

Экспериментальная философия: проблема интуиции

Татьяна Викторовна Тимошенко

Кандидат философских наук

Южный федеральный университет, доцент

tvtimoshenko@sfedu.ru

Константин Дмитриевич Скрипник

Доктор философских наук

Южный федеральный университет, профессор

kdscripnik@sfedu.ru

Аннотация: Развитие экспериментальной философии обычно связывается с использованием методов психологии, социологии и иных дисциплин в философских исследованиях. Базовой философской проблемой, которая находится в фокусе внимания экспериментальной философии, является проблема философских интуиций. В статье рассматриваются концептуальные положения экспериментальной философии, а также примеры анализа интуиций эмпирическими методами, позволяющими прояснить процесс формирования и экспликации философских интуиций, а также описать психологические и нейробиологические механизмы интуиции. Оценивая возможности экспериментальной философии, авторы утверждают невозможность их однозначной оценки в каркасе философского теоретизирования.

Ключевые слова: экспериментальная философия, метафилософия, философские интуиции

Experimental philosophy: the problem of intuition

Tat'jana V. Timoshenko

PhD in Philosophy, associate professor

Southern Federal University

tvtimoshenko@sfedu.ru

Konstantin D. Skripnik

DSc in Philosophy, professor

Southern Federal University

kdscripnik@sfedu.ru

Abstract: The development of experimental philosophy is usually connected with applying of psychological, sociological and other non-philosophical – mainly, empirical – methods in philosophical investigations. The problem of understanding of philosophical intuitions is the basic philosophical problem which is in the focus of interest of experimental philosophy. The article considers the conceptual points of experimental philosophy and different examples of the analysis

of philosophical intuitions by empirical methods which allow to explicate the formation and explanation of philosophical intuitions as well as to describe psychological and neurological mechanisms of intuitions. Evaluating the possibilities of experimental philosophy, the authors suggest that it is impossible to value them unequivocally in the framework of philosophical theorizing.

Keywords: experimental philosophy, metaphilosophy, philosophical intuitions

Одной из оппозиций, о которой идет речь в метафилософских исследованиях, является оппозиция экспериментальной и кабинетной философии. Дело представляется иногда таким образом, что данная терминология появилась именно в составе данной оппозиции – и это совершенно ошибочное представление. Словосочетание «экспериментальная философия» гораздо чаще появляется в названиях статей и книг по сравнению со своей «парой». И тем не менее, экспериментальная философия до настоящего времени является спорным движением в современной философии, обычно ассоциирующимся с использованием методов, которые гораздо ближе к психологии и социальным наукам. Движение экспериментальной философии многие склонны рассматривать как вызов тем, кто придерживается более традиционных подходов к философии. Экспериментальная философия реализует достаточно большое число исследовательских проектов, примером которых является проверка некоторых интуиций относительно природы философии и философского теоретизирования, имеющих у философов, и сравнение их с теми, которые есть у не-философов, а также демонстрация того, от каких – социальных, культурных, образовательных и даже гендерных – факторов зависят эксплицированные различия. Однако оцениваться эти проекты могут по-разному: Д. Дроздова, например, полагает, что «мы не вправе ожидать от этого движения радикальной реформы философии. Скорее, речь идет о новой форме антропологии или исследований культурной психологии» [1, с. 127].

Определения природы экспериментальной философии неоднородны: так, Дж. Александер описывает экспериментальных философов как таких, кто прилагает «методы социальных и когнитивных наук к изучению философского познания, поскольку данные методы подходят лучше, чем интроспективные, к изучению того, что люди думают, особенно *другие* люди» [2, Р.2]. Примерно такое же определение дают Дж. Ноуб и Ш. Николс [3]. Одним из способов определения экспериментальной философии может быть «определение через противопоставление», когда экспериментальная философия характеризуется через оппозицию с «кабинетной» философией, понимаемой иногда как «чистое» теоретизирование. С. Стек и К. Тобиа, используя термин «экспериментальная философия» в каркасе ограниченной интерпретации, говорят о ней как об «эмпирическом исследовании философских интуиций, факторов, воздействующих на них, и психологических и нейрологических механизмах, лежащих в их основе» [4, р. 5].

Оппозицию кабинетной философии (*armchair philosophy*) и экспериментальной философии признают и обсуждают в современных философских дискуссиях и отечественные авторы, и зарубежные ученые, одним из которых является Т. Уильямсон, опубликовавший новейшие метафилософские исследования в книге «Занимаясь философией» [5]. Исследования Уильямсона, по мнению В. В. Васильева, «подчеркивают значимость выбора между растворением философских методов в методологии экспериментальных наук и обоснованием правомерности кабинетной философии, перед которым стоят современные философы» [6, с. 6]. Философы-экспериментаторы критикуют использование аналитических методов (дедукции, индукции, мысленных экспериментов и прочих), утверждая, что они применимы в философии для объяснений, для выводов и

следствий из теорий, но вряд ли можно с их помощью создавать новые философские теории.

Хотя движению экспериментальной философии всего несколько лет, оно уже включает много новых экспериментальных исследований, в том числе исследования того, как на самом деле думают и чувствуют обычные люди (не философы). При этом изучается обычное понимание людьми морали, свободы воли, счастья и других ключевых философских понятий. Цель состоит в том, чтобы погрузиться непосредственно в реальный мир и использовать психологические эксперименты, чтобы добраться до истоков философских проблем. По мнению Дж. Ноуба, такие исследования, как, например, участие руководителей бизнеса в охране окружающей среды, могут помочь в философских дискуссиях, т. к. важны здесь не столько философские последствия, как информация о том, как люди обычно думают. Подобные эксперименты начинают наводить ученых на мысль, что обычный способ понимания мира людьми пронизан моральными соображениями. Чем больше философы узнают о том, как люди выносят моральные суждения, тем больше они смогут понимать, как возникают конфликты между людьми.

Ш. Николс также считает, что одна из самых захватывающих перспектив экспериментальной философии заключается в том, что она может помочь оценить, являются ли определенные философские верования вполне обоснованными. Выяснив психологические источники своих философских убеждений, сами философы смогут оценить, насколько оправданы эти убеждения. Так что в работах по экспериментальной философии методология использования систематического эмпирического исследования применяется к широкому кругу различных философских вопросов. Исследователи предлагают совершенно разные взгляды на то, каким образом такая экспериментальная работа может оказаться философски ценной. Поэтому, возможно, лучший способ познакомиться с областью экспериментальной философии – это изучить фактические результаты некоторых исследований философов-экспериментаторов.

Практически изначально в фокусе внимания экспериментальной философии находится интуиция, даже само понимание значения экспериментальной философии в значительной степени зависит от понимания роли интуиции в философии и наоборот. Некоторые философы склоняются к теории двойных систем, идея которой заключается в том, что наша мысль создается как быстрой, неинференциальной системой – системой 1, операции которой недоступны для внутренней интроспективы, так и более медленной, более продуманной системой – системой 2, операции которой часто доступны. Интуицию идентифицируют с выводами первой системы, как убеждения, которые мы формируем спонтанно, без сознательных рассуждений, источник которых мы не можем идентифицировать интроспективно [7]. Другие считают, что интуиция – это «интеллектуальные проявления». Когда мы развиваем предложение или контент, интуиция этого контента должна казаться нам истинной [8]. Эта точка зрения не упоминает психологический процесс, лежащий в основе интуиции. Другие философы считают, что «интуиция» – это просто еще один способ сослаться на веру или мнение [9]. Некоторые критики указывают на отсутствие консенсуса в суждениях об интуиции в качестве доказательства того, что на самом деле не существует такой вещи, как интуиция [10]. На самом деле это открытый вопрос, и понятие «интуиция» используется во всех этих и многих других смыслах. Философы-экспериментаторы надеются получить удовлетворительное представление об интуиции и ее психологических основах.

Позитивная роль экспериментальной философии в том, что она может эмпирически проверить и выдвинуть утверждения об интуиции в каждом из этих случаях: интуиции, используемой для проверки нормативных теорий, интуиции относительно того, является ли данный случай примером концепции, интуиции о правильном применении слова, интуиции об общих принципах и интуиции об особенностях дискурса или практики.

Например, утверждение морального реалиста о том, что реализм лучше всего отражает обычный моральный дискурс и практику, было поставлено под сомнение несколькими экспериментами, исследующими степень, в которой люди являются интуитивными моральными релятивистами. Дж. Гудвин и Дж. Дарли задались вопросом, будут ли субъекты относиться к этическим утверждениям как к объективным, и как они могут отличаться от отношения к утверждениям о научных фактах, социальных условностях и вкусовых ощущениях [11]. Экспериментаторы дали испытуемым ряд утверждений во всех трех областях и попросили их оценить свое согласие с каждым утверждением, а также указать, считают ли они это правдой, ложью, мнением или отношением. На втором этапе испытуемым сказали, что другой человек категорически не согласен с ними, и спросили, считают ли они, что одна из двух сторон ошибается, или возможно, что ни одна из сторон не ошибается. Результаты показали, что в целом люди склонны относиться к этическим утверждениям как к более объективным, чем заявлениям об общепринятых или вкусовых ощущениях, но менее объективным, чем изложения фактов. Более интересно то, что субъекты рассматривали разные этические высказывания как более или менее объективные в зависимости от содержания высказывания. Последующие исследования подтвердили этот вывод. Эти исследования показывают, что народная концепция морали не может быть единообразно объективной, люди могут рассматривать одни моральные требования как более объективные, чем другие.

Исследования Х. Саркисяна показали, что люди не считают релятивизм неинтуитивным. Он описал Горация, как субъекта, который «находит своего младшего ребенка крайне непривлекательным и поэтому убивает его» [12]. Затем испытуемых попросили рассмотреть двух лиц, которые судили о действиях Горация: одного, который оценил это как морально неправильное, а другого – как моральное. Один из судей описан как одноклассник субъекта, второй судья описывается либо как типичный американский студент колледжа с очень разными ценностями, либо как внеземное существо с совершенно иной психологией, чем у людей. Затем испытуемых просят оценить свое согласие с утверждением: «поскольку [оба судьи] имеют разные суждения по этому делу, один из них должен ошибаться». Авторы обнаружили, что релятивизм субъектов, измеряемый их несогласием с этим утверждением, увеличивался с увеличением различий между двумя судьями. Это показывает, что, сталкиваясь с моральными разногласиями, субъекты не предполагают, что одна сторона должна ошибаться – вопреки тому, что утверждали моральные реалисты. Выводы Х. Саркисяна о народном релятивизме противоречат полученной философской мудрости и поэтому дают философам выбор: говорим ли мы, что испытуемые в этих исследованиях смущены или иным образом ошибочны в отношении своих собственных концепций, или принимаем ли мы результаты и отступаем от утверждения, что обычный моральный дискурс является объективистским?

Здесь все осложняется тем фактом, что другие исследования [13] выявили, что субъекты более релятивистски относятся к одним видам утверждений, чем к другим; опять же, это дает философам выбор между отклонением результатов – либо путем оценки этих предметов как непоследовательных или иным образом запутанных, либо путем указания на ошибки в экспериментальном дизайне или интерпретации данных - и пересмотром концепции моральной области, возможно, признавая, что это не является ни объективно, ни относительно.

Родоначалниками систематического эмпирического изучения интуиций [1] считаются Дж. Вайнберг, Ш. Николс и С. Стич, которые в «Нормативности и эпистемической интуиции» [14] предложили непосредственное тестирование выборки испытуемых для анализа культурных различий в понимании таких эпистемических категорий как «знание», «убежденность», «рациональность». Д. Дроздова [15] воспроизводит описание эксперимента следующим образом: Группам студентов в

университете им. Руггерса в Нью-Джерси давали разные задания, в которых им предлагалось высказать свое мнение о том, знает ли герой какой-то истории или только верит, что знает нечто. Так, в одной из этих фантастических историй о Чарльзе герой получает повреждения мозга, после которых может безошибочно определять температуру окружающей среды. Как он это делает, механизм этого определения, герою неизвестно. В результате исследования мнений о том, знает ли герой величину температуры воздуха в комнате, или он только верит, что температура именно такова, какой ему кажется, установлено, что «между студентами американскими и азиатскими существует значительные статистические отклонения при ответе на этот вопрос: азиатские студенты в большей степени склоняются к отрицанию наличия знания в этой ситуации» [14, р.439-440].

Еще бóльшие отличия показал разбор примеров, отсылающих к проблеме Геттиера (ставящей под сомнение традиционный подход философии к пониманию знания, как истинного и обоснованного мнения). Студентам предлагали такую ситуацию: «У Боба есть друг Джил, у которого много лет был автомобиль «Бьюик». Боб думает, что Джил водит американский автомобиль. Однако он не знает, что несколько месяцев назад «Бьюик» сломался, и Джил купил вместо него «Понтиак», тоже американский автомобиль. Знает ли Боб, что Джил водит американскую машину, или он только верит в это?» Большинство азиатских студентов (65%) ответили: «Боб на самом деле знает» [14, р. 443]. Большинство американских студентов (75%) ответили: «Боб не обладает знанием в этой ситуации». Так было обнаружено, что интуиция у представителей разных культурных и этнических групп при использовании базовых эпистемологических категорий значительно отличается.

Когда Вайнберг в 2001 г. и Мачери [16] в 2004 г. обнаружили кросс-культурные различия в результатах мысленных экспериментов, они подняли серьезную проблему о принятом по умолчанию предположении об «общем» наборе интуиций, на котором они основывали традиционную методологию. Такие «негативные» проекты отражают только часть картины.

Экспериментальная философия во всех ее формах предлагает задуматься о роли интуиции в философской методологии: предоставляют ли интуитивные суждения обычных людей, не философов, столько же доказательств, сколько суждения философов? Возможно, они предоставляют лучшие доказательства? Предоставляет ли интуиция какие-либо доказательства, или эмпирическая работа, возникающая из экспериментальной философии, просто показывает, что интуиция безнадежно предвзята и непостоянна? Если интуиция имеет доказательную ценность, то какую? Как правильно получить и использовать эти доказательства?

Представим некоторые аргументы относительно доказательного статуса интуиции в философии и то, как экспериментальная философия в области сознания исследует обсуждаемые аргументы.

Тематическое исследование интуиции в философии сознания проводил Дж. Надо изучая исследования Н. Блока, изложенные в работе «Проблемы с функционализмом» [17], опубликованной в 1978 г., в которой он предложил следующий мысленный эксперимент. Если вообразить, что мы должны убедить каждого гражданина Китая реализовать функциональные свойства одного нейрона, используя двустороннюю радиосвязь для связи, и использовать эту систему для создания в течение одного часа функциональной копии вашего мозга. Будет ли такая система разумом? Функциональная теория утверждает, что это так. Н. Блок считал, что случаи этого множества запутывают все версии функционализма в том смысле, что они указывают на то, что функционализм виновен в либерализме – классифицируя системы, в которых отсутствует менталитет, как системы, обладающие менталитетом. Случай с «Китайским мозгом» является, по первому впечатлению, контрпримером к функционализму, поскольку сразу возникает сомнение в том, есть ли у него какие-либо психические состояния – особенно, если у него есть то, что

философы называют «качественными состояниями», «грубые чувства» (raw feels) или «непосредственные феноменологические качества». Это сомнение включает в себя интуицию. В данном воображаемом случае люди близки к утверждению, что «Китайский мозг» не будет разумом. Люди просто чувствуют, что так и должно быть, хотя и не способны немедленно объяснить, почему.

Рассуждения об этом феномене весьма неоднозначны. Интуиция понимается по-разному: как тип суждения, тип убеждения, тип веры, склонность к вере, своеобразное пропозициональное отношение и так далее. Однако можно указать как минимум на две особенности, с которыми соглашаются все. Во-первых, интуиция отмечена отсутствием сознательных рассуждений. Во-вторых, интуиции включают особый феноменологический компонент, который часто описывается термином «кажущегося». Не вдаваясь в более глубокие вопросы природы интуиции, дадим характеристику интуиции следующим образом: это состояния, в которых определенное утверждение кажется верным в отсутствие осознанных рассуждений.

Интуиции обычно получают некоторую доказательную силу при философской аргументации. То есть предположения, которые поддерживает интуиция, как правило, принимаются за поддержку существования этих интуиций. Степень поддержки, оказываемой таким образом, не всегда ясна. Иногда признается, что интуиция может ошибаться, и что в идеальном случае интуитивные предпосылки должны поддерживаться дальнейшей аргументацией.

Пример Н. Блока в его первоначальном утверждении показывает, что интуиция фактически опирается на рациональную основу. Тем не менее, в нем указано, что интуиция часто играет решающую роль. Последующая аргументация Блока о рациональной основе апеллирует к тому факту, что мы не можем представить, как психология в ее нынешней форме могла бы объяснить квалиа (qualia) – элемент опыта, не поддающийся интерпретации. Это такой же аргумент, основанный на интуиции, как и сам мысленный эксперимент о «Китайском мозге». Блок признает, что аргументы здесь не являются решающими, но он принимает их, чтобы увеличить вес аргументов против функционализма. Что касается «традиционного» взгляда, то интуиция в какой-то степени поддерживает утверждение о том, что «Китайский мозг» – это не разум.

Дж. Ноуб и Дж. Принц [18] в 2008 г. обнаружили, что испытуемым довольно удобно приписывать убеждения и желания «групповым агентам», однако они, как правило, не решаются приписать феноменальное сознание таким сущностям. Например, компания «Microsoft» может желать слияния, но не может чувствовать себя подавленной. Ноуб и Принц выдвигают гипотезу о том, что физическое строение субъекта является основным фактором, определяющим нашу готовность приписывать феноменальное сознание, но оно оказывает меньшее влияние на нашу оценку нефеноменальных психических состояний. В частности, люди сопротивляются приписыванию феноменального сознания субъектам, у которых нет единого физического тела. Если эта гипотеза верна, это может объяснить нерешительность в том, чтобы приписать «Китайскому мозгу» разум.

У Ноуба и Принца не было каких-либо «иконоборческих» целей при выполнении исследований. Но по меньшей мере одно подобное исследование показало, что предпочтение единым физическим телам может быть весьма условным. Хюбнер [19] и его коллеги в 2010 г. обнаружили доказательства того, что сопротивление приписыванию сознания групповым агентам может быть культурно локальным – субъекты в Гонконге демонстрировали гораздо меньшее нежелание этому действию. Если эти исследования достоверны, они повышают вероятность того, что нежелание людей поддерживать групповых агентов является не чем иным, как причудой нашей собственной психики, и потенциально – культурным посредником. Эмпирическая работа здесь отражает два возможных пути, посредством которых экспериментальная философия может дать нам

новые перспективы классических головоломок в философии сознания. Во-первых, она предлагает психологические объяснения для интуиции, которые в противном случае могли бы казаться довольно «грубыми», например, предполагая, что у нас есть когнитивная тенденция использовать физические критерии в нашей оценке того, что является потенциальным суждением. Во-вторых, она может оспаривать доказательный статус этих интуиций, указывая на такие факторы, как например культурное происхождение, которые могут повлиять на интуицию ненадлежащими способами.

Дж. Александр, Р. Маллон и Дж. Вайнберг – сторонники самого радикального подхода к интуиции в экспериментальной философии. Они в работе «Подчеркнуть негатив» [20] выделяют два вида экспериментальной философии: позитивную и негативную (иногда в литературе можно встретить выражения «негативная программа» и «позитивная программа» экспериментальной философии). Позитивная экспериментальная философия охватывает традиционное представление о том, что интуиция является важным источником доказательств философии. Тем не менее, позитивная экспериментальная философия настаивает на том, что эмпирическая работа над интуицией необходима для сбора доказательных данных. Негативная экспериментальная философия бросает гораздо более серьезный вызов традиционной философии: экспериментальные результаты по культурному разнообразию и внутриличностной нестабильности интуиции дают веские основания полагать, что интуиция не является надежным источником доказательств. Это ставит под сомнение как традиционную философию, так и позитивную экспериментальную философию, поскольку эти подходы разделяют идею о том, что интуиция является хорошим свидетельством философского теоретизирования.

А. Кауппинен в статье «Взлет и падение экспериментальной философии» [21] утверждает, что экспериментальная работа не может заменить традиционные философские методы, т.к. философы справедливо заинтересованы в выяснении обязательств наших обычных понятий – таких понятий как свободная воля и знание. Однако экспериментальная философия дает недостаточное освещение этих вопросов, потому что вопросы, представляющие интерес для философии, это не то, что говорят люди, а основополагающая компетенция, связанная с использованием философски важных концепций. То, что имеет значение для этой компетенции, является критически нормативным. Кауппинен утверждает, что никакой опрос не скажет вам этого.

В своей статье «Об интуитивной стабильности: ясное, сильное и парадигматическое» [22] Дж. К. Райт развивает совершенно иную защиту интуиции. Одна из проблем, связанных с восприятием интуиции в качестве доказательства, заключается в том, что интуиция кажется диахронически нестабильной: простое изменение порядка представления воздействует на интуицию людей в отношении событий. Эта нестабильность распространяется не на все случаи. Например, большинство людей говорят, что удачное предположение не считается знанием, независимо от порядка, в котором этот случай появляется. Тем не менее, экспериментальные философы предположили, что мы не можем сказать «из кресла», какие случаи восприимчивы к эффектам заказа, а какие нет. Статья Дж. Райт ставит это под сомнение, исследуя степень уверенности людей в своих ответах. Она считает, что при рассмотрении обстоятельств, люди имеют очень разные уровни уверенности в своих суждениях по разным случаям. И, как это бывает, люди гораздо более уверены в своих суждениях по случаям, которые не поддаются влиянию порядка. Это дает основание полагать, что «из кресла» действительно есть информация, которая отражает стабильность нашей интуиции.

П. Гриффитс, Э. Мачери и С. Линквист [23] используют эксперименты с обычной интуицией людей, чтобы исследовать столь сложный вопрос в философии науки каким является концепция врожденности. Они утверждают, что эта научная концепция на самом деле коренится в «народной» биологии. В частности, они предполагают, что концепция

врожденности связана с народно-биологическим эссенциализмом людей – их чувством, что каждый организм обладает «внутренней природой», которая может каким-то образом определять его наблюдаемые черты. Эту гипотезу они проверяют экспериментально. Результаты показали, что на интуицию людей о врожденности действительно влияют именно те критерии, которые можно было бы ожидать, если бы люди руководствовались эссенциалистскими предположениями.

У. Баквальтер и С. Стик [24] используют методы экспериментальной философии, чтобы исследовать роль пола в философии как академической дисциплине. Они начинают с того, что отмечают, что женщины сильно «недопредставлены» на современных философских факультетах: гораздо меньше женщин работают профессорами философии, чем профессорами смежных дисциплин. Затем они вводят гипотезу о том, что это «недопредставленность» может быть вызвана, по крайней мере, частично, гендерными различиями в философской интуиции. В серии исследований они проверили эту гипотезу, показав, что на самом деле существуют систематические различия между интуицией мужчин и женщин в отношении некоторых из самых известных мысленных экспериментов в философии.

Э. Швицгебель и Ф. Кушман [25] исследуют различия между интуицией простых людей и научной интуицией философов. Они считают, что и обычные люди, и профессора философии испытывают определенные когнитивные искажения при оценке философских мысленных экспериментов. Однако они также находят важное различие между двумя группами. В результатах для обычных людей находят предубеждения в суждениях об отдельных случаях, но эти предубеждения не влияют на суждения о более широких философских принципах. Напротив, поскольку профессора философии стремятся убедиться, что их суждения о принципах согласуются с их суждениями о частных явлениях, предубеждения, которые они показывают по отдельным случаям, в конечном итоге влияют на их суждения о более широких принципах.

Мы рассмотрели различные мнения о философском значении экспериментальных данных об интуиции, и здесь были представлены несколько совершенно разных точек зрения. Экспериментальная проверка утверждений об интуиции – не единственный способ дальнейших философских исследований: например, та же нейровизуализация может выявить степень, в которой эмоциональная обработка участвует в моральном суждении. Вопреки утверждениям некоторых критиков, экспериментальная философия не зависит от предположения приоритета интуитивного познания: что люди не достигают выводов о чем-либо через рассуждения, даже если они действительно участвуют в сознательном обсуждении, прежде чем выдать ответ. Таким образом, хотя в экспериментальной философии значительное количество эгалитарных исследований интуиции, она признает разнообразие мнений в экспериментальной и не-экспериментальной философии и рассматривает их как часть более широкой традиции. Для философов-экспериментаторов представляет интерес сам процесс получения ответов. И они показали, что знание психологических основ интуиции вполне может оказаться философски значимыми.

Перспективы развития экспериментальной философии неоднозначны. Уже приводились некоторые критические замечания, направленные на экспериментальную философию и ее методологию. Одна сторона этой критики – условные возражения против экспериментальной философии – они не оспаривают актуальность экспериментов, а только их текущую структуру и исполнение. Другие критические замечания в принципе возражают против экспериментальной философии.

Не все экспериментальные философы видят в своей работе вспомогательный философский анализ. Некоторые утверждают, что их эмпирические результаты показывают, что философская опора на интуицию как доказательство проблематична по разным причинам, и предполагают, что это будет иметь серьезные последствия для нашей

философской практики. Эти философы, которых иногда называют рестрикционистами (от англ. restriction – ограничение), не утверждают, что люди должны полностью отказаться от использования интуиции, но при этом и не предполагают, что они должны делать это постоянно. Скорее, предложение состоит в том, что, поскольку некоторые из наших интуиций ненадежны во многих отношениях, философы должны с подозрением относиться к призывам обращения к интуиции. Кроме того, философы должны исследовать источники и изменчивость интуиции, чтобы отличить надежную интуицию от ненадежной. Но, учитывая, что пока это сделать невозможно, нынешняя позиция в отношении интуиции должна быть скептической: «Мы находимся в незавидной и в конечном итоге несостоятельной эпистемической позиции подозрения, что некоторые интуитивные доказательства проблематично чувствительны, и не способны надежно предсказать, какие интуитивные доказательства являются проблематичными» [26, р. 200]. Рестрикционисты утверждают, что единственным способом решения этой проблемы является дальнейшее эмпирическое исследование.

Критика актуальности экспериментальной философии отрицает, что интуиция играет важную роль в философском теоретизировании вообще. Если это соответствует истине, то экспериментальной философии нечего добавить к философии, и она не нужна. В перспективе же замечания, направленные на методологию, используемую философами-экспериментаторами, могут быть исправлены улучшением проработки экспериментальной стороны и углублением сотрудничества философов и социологов.

Возможно, проблема рестрикционистов более радикальна, чем признавали до сих пор. В конце концов, нет нейтрального контекста, в котором люди могли бы формировать интуитивные суждения – практически все мысли и размышления происходят в каком-то контексте. Люди всегда подвержены какой-либо идентичности, всегда будет какая-то формулировка, необходимая для представления дела. Люди могут быть голодными, сонными, скучающими, или отвлеченными, и так далее. Философы задаются вопросом, не искажается ли наша интуиция? Когда они проводят исследования, чтобы выяснить какие виды контекстных функций влияют на интуицию, они должны учитывать, что существует какой-то совершенно нейтральный контекст без контекста, который мог бы привести к появлению неиспорченных интуиций. Например, мы знаем, что мы склонны делать больше ошибок в вычислениях, когда устали или торопимся. Мы знаем, что наши рассуждения о вероятностях подвержены определенным искажениям. Но мы знаем это именно потому, что у нас есть согласованная, нейтральная процедура для вычислений (арифметика) и для определения вероятности. В случае философской интуиции – это именно то, чего не хватает философам. Без этого оказывается, что единственной вещью, которой можно измерить интуицию, и действительно единственным средством, с помощью которого можно определить, является ли фактор релевантным или не относящимся, например, к моральному суждению, – будет сама интуиция. И это именно то, на что, по мнению рестрикционистов, мы не можем полагаться.

Это проблематично при предположении о том, что философы-экспериментаторы применяют более нормативный и менее аналитический подход к философии, поскольку многие входные данные в наши нормативные рассуждения и аргументы будут генерироваться интуицией. В качестве критерия выбора той или иной концепции знания можно обратиться к ее практической полезности. Но если задать вопрос, почему мы должны беспокоиться об этом, может оказаться, что ответ сам по себе апеллирует к какой-то интуиции или к факту, что мы просто делаем это. Аналогичным образом, если философы решат, что следует использовать концептуальную концепцию добра, а не деонтологическую, на том основании, что на деонтологическую концепцию чрезмерно влияют эмоции, то какой будет реакция на деонтолога, который утверждает, что эмоции чрезвычайно важны? Для ответа потребуется обращение к моральной интуиции, будь то

действия или принципы. Но опять возникает тот же вопрос: можем ли мы положиться на эти интуиции?

Таким образом, есть основания сомневаться в том, что на практике проблема рестрикционистов может быть как-то ограничена. Существует также вопрос о том, как можно заниматься философией, не обращаясь к интуиции (хотя некоторые философы утверждают, что мы на самом деле не часто используем интуицию, если вообще ее используем). В любом случае, рестрикционисты утверждают, что нам нужно больше эмпирических исследований интуиции и каким образом они меняются. Действительно, философы, которые хотят обратиться к интуиции в качестве доказательства, должны, по крайней мере, осознавать риски, связанные с этим.

И как в любой эмпирической области, новые открытия в экспериментальной философии появляются постоянно, они побуждают философов пересмотреть свои теории, например, о том, что такое наша интуиция, как она работает и другие. Появление новых технологий – методов нейровизуализации и измерения времени реакции, способности привлекать к опросам сотни или тысячи субъектов через Интернет – изменило и будет продолжать менять практику экспериментальной философии.

Итак, многие современные философы согласны с тем, что философия, которая ведется исключительно «из кресла» при недостаточном понимании учеными фактических данных, научных практик и научных достижений, имеет сомнительную ценность. Эта общая отправная точка для большей части современной философии открывает путь для использования эмпирических данных в философии. Возможно, именно экспериментальная философия станет в ближайшем будущем одной из фундаментальных научных репрезентаций действительности, той основой, которая связывает в целостную систему когнитивного знания социологию, психологию и философию.

В философии сегодня «господствует убеждение, что наука представляет собой вид когнитивной практики, системообразующим принципом которой предстает рациональность» [27, с. 54]. «Образ, в котором научному сообществу нравится представлять самого себя и который фактически служит тем образом, в котором большинство из нас воспринимает это сообщество, – образ рациональности *par excellence*. Научное сообщество видит себя в качестве самой парадигмы институционализированной рациональности» [28, с. 246]. Поэтому появление экспериментальной философии многие связывают с революцией убеждений в философии в ближайшей перспективе. Образ, который часто ассоциируют с философией эксперимента, – это горящее кресло. Метафора кресла предполагает, что основное занятие философа – «чистое» мышление, оторванное от внешнего мира. Это опровергают философы-экспериментаторы.

Использование в философских дискуссиях экспериментальных данных – революционное, перспективное и необходимое действие в условиях развития современной науки и философии. Интерес ученых к новой форме философии обусловлен тем, что в силу историко-идеологических причин сложившаяся в философии тенденция к автономии во многих случаях является препятствием для получения знаний, адекватных современной реальности. Нацеленность на когнитивные вопросы и проблемы также диктуется современными научными реалиями. Новое философское измерение исследований размывает границы наук. Пусть не создаются новые методы, но новое применение уже существующих методов в других дисциплинарных областях вновь пробуждает научный интерес к философским проблемам мировоззрения, сознания, интуиций, морали. Получаемые количественные результаты могут подтвердить философские гипотезы, развить теории.

Философы-экспериментаторы не собираются «сжигать кресла», они так же большую часть времени проводят, «doing philosophy» [5] в философской рефлексии. Но они заинтересованы в том, чтобы время от времени поднимать философов из их удобных

кресел, обращая их к реальности. Речь не идет о радикальной реформе философии, ведь проблемное поле новой экспериментальной философии – лишь часть от целого философского знания. Но обновить философские традиции, дать им вторую жизнь – это возможно для экспериментальной философии. Изменения в философии и методологии в последние десятилетия уже называют «натуралистическим поворотом» с характерным использованием конкретно-научных результатов при рассмотрении различных философских проблем. Возможно, речь идет о «новой форме антропологии или исследований культурной психологии». Эти исследования важны и интересны – и, как и многие другие исследования, они должны учитываться философами в их работе. Пока будущее экспериментальной философии неясно. Очевидно лишь, что как философское движение экспериментальная философия оказала значительное влияние на дискуссии об основных философских вопросах, а также о природе самой философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дроздова Д.Н. Экспериментальная философия 2.0: новое вино в старых мехах? // Философия и наука: проблемы соотнесения. М. 2017. С. 119-128.
2. Alexander, J. *Experimental Philosophy: An Introduction*. Malden: Polity Press. 2012. 200 p.
3. Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plato.stanford.edu>. (дата обращения 02.07.2020).
4. Stich, S. and Tobia, K.P. *Experimental Philosophy and the Philosophical Tradition*. In: *A Companion to Experimental Philosophy*. Eds. J. Sytsma and W. Buckwalter. Malden: John Wiley and Sons. 2016. P. 5-21.
5. Williamson, T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford Un. Pr., 2018. 176 p.
6. Васильев В.В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6-18.
7. Gopnik, A., and Schwitzgebel, E. 1998. Whose Concepts Are They, Anyway? The Role of Philosophical Intuition in Empirical Psychology. In: *Rethinking Intuition. The Psychology of Intuition and Its Role in Philosophical Inquiry*. Eds. M. Paul, W. Ramsey. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 1998. P. 75–93.
8. Bealer, G. *Intuition and the Autonomy of Philosophy*. In: *Rethinking Intuition. The Psychology of Intuition and Its Role in Philosophical Inquiry*. Eds. M. Paul, W. Ramsey. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 1998. P. 201–240.
9. Lewis, D. *Philosophical Papers: Vol. 1*. Cambridge: Cambridge Un. Pr. 1983. 304 p.
10. Cappelen, H. *Philosophy Without Intuitions*. Oxford: Oxford Un. Pr. 2012. 242 p.
11. Goodwin, G., and Darley, J. 2008. The Psychology of Meta-Ethics: Exploring Objectivism // *Cognition*. 2008. Vol.106. P. 1339–1366.
12. Sarkissian, H. et al. Folk Moral Relativism // *Mind & Language*. 2011. Vol. 26. No. 4. P. 482–505.
13. Goodwin, G., and Darley, J. 2008. The Psychology of Meta-Ethics: Exploring Objectivism // *Cognition*. 2008. Vol. 106. P. 1339–1366.
14. Weinberg, J., Nichols, S. and Stich, S. Normativity and epistemic intuitions // *Philosophical Topics*. 2001. Vol. 29. Issue 1/2. P. 429-460.
15. Дроздова Д.Н. Использование мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии // *Рацио*. 2018. Т. 19. № 1. С. 53-69.
16. Machery, E., R. Mallon, S. Nichols, and S. P. Stich. 2004. Semantics, cross-cultural style // *Cognition*. 2004. Vol. 92. Issue 3. P. B1–B12.

17. Block, N., Troubles with Functionalism // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1978. Vol. 9. P. 261 – 325.
18. Knobe, J., Prinz, J. Intuitions about Consciousness: Experimental Studies // *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2008. Vol. 7. Issue 1. P. 67-83.
19. Huebner, B., Bruno, M., Sarkissian, H. 2010. What Does the Nation of China Think About Phenomenal States? // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1. Issue 2. P. 225-243.
20. Alexander, J., Mallon, R., Weinberg Jonathan M. Accentuate the Negative. In: *Experimental philosophy*. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 31-50.
21. Kauppinen, A. The Rise and Fall of Experimental Philosophy. In: *Experimental philosophy*. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 3-30.
22. Wright, J. On Intuitional Stability: The Clear, the Strong, and the Paradigmatic // *Cognition*. 2010. Vol. 115. Issue 3. P. 419-503.
23. Griffiths, P., Machery Ed., Linquist S. The Vernacular Concept of Innateness. In: *Experimental philosophy*. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 281-306.
24. Buckwalter W., Stich S. Gender and Philosophical Intuition. In: *Experimental philosophy*. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 307-346.
25. Schwitzgebel E., Cushman F. Expertise in Moral Reasoning? Order Effects on Moral Judgment in Professional Philosophers and Non-philosophers. In: *Experimental philosophy*. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 347-366.
26. Weinberg, J. et al. Restriction and Reflection: Challenge Deflected, or Merely Redirected? // *The Monist*. 2013. Vol.95. Issue 2. P. 200–222.
27. Киселева А.С. Наука и искусство как когнитивные практики: общее и особенное в контексте культуры // *Социально-Гуманитарные Знания*. 2014. № 12. С. 54-59.
28. Ньютон-Смит В. Рациональность науки // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: учебная хрестоматия*. М. 1994. С. 247-295.

REFERENCES

1. Drozdova D.N. Jeksperimental'naja filosofija 2.0: novoe vino v staryh mehah? [Experimental Philosophy 2.0: new vine in old skin] // *Filosofija i nauka: problemy sootnesenija*. М. 2017. S. 119-128. (In Russian)
2. Alexander, J. *Experimental Philosophy: An Introduction*. Malden: Polity Press. 2012. 200 p.
3. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://www.plato.stanford.edu>. (Date of request: 02.07.2020).
4. Stich, S. and Tobia, K.P. Experimental Philosophy and the Philosophical Tradition. In: *A Companion to Experimental Philosophy*. Eds. J. Sytsma and W. Buckwalter. Malden: John Wiley and Sons. 2016. P. 5-21.
5. Williamson, T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford Un. Pr., 2018. 176 p.
6. Vasil'ev V.V. Metafilosofija: istorija i perspektivy [Metaphilosophy: history and perspectives] // *Jepistemologija i filosofija nauki*. 2019. T. 56. № 2. S. 6-18. (In Russian)
7. Gopnik, A., and Schwitzgebel, E. 1998. Whose Concepts Are They, Anyway? The Role of Philosophical Intuition in Empirical Psychology. In: *Rethinking Intuition. The Psychology*

- of Intuition and Its Role in Philosophical Inquiry. Eds. M. DePaul & W. Ramsey. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 1998. P. 75–93.
8. Bealer, G. Intuition and the Autonomy of Philosophy. In: Rethinking Intuition. The Psychology of Intuition and Its Role in Philosophical Inquiry. Eds. M. DePaul & W. Ramsey. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 1998. P. 201–240.
 9. Lewis, D. Philosophical Papers: Vol. 1. Cambridge: Cambridge Un. Pr. 1983. 304 p.
 10. Cappelen, H. Philosophy Without Intuitions. Oxford: Oxford Un. Pr. 2012. 242 p.
 11. Goodwin, G., and Darley, J. The Psychology of Meta-Ethics: Exploring Objectivism // Cognition. 2008. Vol.106. Issue 3. Pp. 1339–1366.
 12. Sarkissian, H. et al. Folk Moral Relativism // Mind & Language. 2011. Vol. 26. No. 4. P. 482–505.
 13. Goodwin, G., and Darley, J. 2008. The Psychology of Meta-Ethics: Exploring Objectivism // Cognition. 2008. Vol. 106. P. 1339–1366.
 14. Weinberg, J., Nichols, S. and Stich, S. Normativity and epistemic intuitions // Philosophical Topics. 2001. Vol. 29. Issue 1/2. P. 429-460.
 15. Drozdova D.N. Ispol'zovanie myslennyh jeksperimentov v sovremennoj jeksperimental'noj filosofii (The Usage of thought experiments in experimental philosophy today] // Racio. 2018. T. 19. № 1. S. 53-69. (In Russian).
 16. Machery, E., R. Mallon, S. Nichols, and S. P. Stich. 2004. Semantics, cross-cultural style // Cognition. 2004. Vol. 92. Issue 3. P. B1–B12.
 17. Block. N., Troubles with Functionalism // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1978. Vol. 9. P. 261 – 325.
 18. Knobe, J., Prinz, J. Intuitions about Consciousness: Experimental Studies // Phenomenology and Cognitive Sciences. 2008. Vol. 7. Issue 1. P. 67-83.
 19. Huebner, B., Bruno, M., Sarkissian, H. 2010. What Does the Nation of China Think About Phenomenal States? // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. Issue 2. P. 225-243.
 20. Alexander, J., Mallon, R., Weinberg Jonathan M. Accentuate the Negative. In: Experimental philosophy. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 31-50.
 21. Kauppinen, A. The Rise and Fall of Experimental Philosophy. In: Experimental philosophy. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 3-30.
 22. Wright, J. On Intuitional Stability: The Clear, the Strong, and the Paradigmatic // Cognition. 2010. Vol. 115. Issue 3. P. 419-503.
 23. Griffiths, P., Machery Ed., Linquist S. The Vernacular Concept of Innateness. In: Experimental philosophy. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 281-306.
 24. Buckwalter W., Stich S. Gender and Philosophical Intuition. In: Experimental philosophy. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 307-346.
 25. Schwitzgebel E., Cushman F. Expertise in Moral Reasoning? Order Effects on Moral Judgment in Professional Philosophers and Non-philosophers. In: Experimental philosophy. Eds. J. Knobe and S. Nichols. Oxford: Oxford Un. Pr. 2014. P. 347-366.
 26. Weinberg, J. et al. Restriction and Reflection: Challenge Deflected, or Merely Redirected? // The Monist. 2013. Vol.95. Issue 2. P. 200–222.
 27. Kiseleva A.S. Nauka i iskusstvo kak kognitivnye praktiki: obshhee i osobennoe v kontekste kul'tury [Science and Art as Cognitive Practices] // Social'no-Gumanitarnye Znaniya. Izdvo: Redakcija zhurnala "Social'no-gumanitarnye znaniya". 2014. № 12. S 54-59. (In Russian)

28. N'juton-Smit V. Racional'nost' nauki [The Rationality of Science] // Sovremennaja filosofija nauki: znanie, racional'nost', cennosti v trudah myslitelej Zapada: uchebnaja hrestomatija. M., 1994. S. 247-295. (In Russian)